

НОВОСТИ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

ДЕРЕК ЛОУСОН

18+

Дерек Лоусон

Новости для президента

«Автор»

2026

Лоусон Д.

Новости для президента / Д. Лоусон — «Автор», 2026

В Ситуационном центре Президента аналитик Елена Родионова замечает странную закономерность: после выделения грантов структурам антикультовой сети в разных регионах почти одновременно начинаются медийные кампании против религиозных меньшинств. Вместе с ведущим аналитиком Артуром Вороновым она начинает расследование, постепенно выходя на цепочку, связывающую государственные средства, экспертные заключения, судебные решения, чиновников, силовые структуры и тщательно отредактированные информационные сводки. Всё больше фактов заставляет героев подозревать, что ярлык «секта» может использоваться как инструмент влияния, а между реальностью и высшей властью существует система информационных фильтров. Если их доклад попадёт к Президенту, под угрозой окажется скрытый механизм, годами определявший, какие новости доходят до главного кабинета. «Новости для президента» — политический технотриллер о власти информации, аппаратных интригах и цене правды.

© Лоусон Д., 2026

© Автор, 2026

Дерек Лоусон

Новости для президента

Настоящее издание является художественным произведением. Персонажи, диалоги, сюжетные линии, организации, события и обстоятельства, описанные в книге, созданы в рамках авторского художественного замысла. Произведение не является документальным исследованием, журналистским расследованием или утверждением о фактах в отношении конкретных лиц, организаций либо событий. Любые возможные совпадения с реальными лицами, организациями, названиями, общественными спорами, судебными делами или иными обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными. Реплики, мнения и оценки персонажей относятся к художественному повествованию и не выражают позицию автора в отношении конкретных реальных лиц или организаций.

Перед прологом

Информационное обеспечение высших должностных лиц государства строится на принципах оперативности, проверки данных и краткости. Руководству страны регулярно поступают материалы из нескольких источников: Администрации Президента, федеральных министерств и ведомств, а также специальных служб. Такой подход позволяет сопоставлять сведения из разных каналов и получать более полную картину происходящего.

На регулярной основе готовятся краткие информационные сводки и аналитические материалы по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики, экономики и безопасности. При возникновении чрезвычайных ситуаций информация передается незамедлительно по защищенным каналам связи, без ожидания очередного планового доклада.

Материалы для руководства оформляются максимально лаконично: в начале излагаются ключевые выводы и факты, затем — необходимый контекст и аналитические оценки. При подготовке документов обычно отделяются проверенные факты от экспертных выводов, что позволяет быстро оценить ситуацию и при необходимости углубиться в детали по конкретному вопросу.

Пролог

Дежурная смена Ситуационного центра Президента РФ начиналась в 06:00. В бункере под Старой площадью не было окон, только сплошная стена плазменных панелей, на которых беззвучно пульсировали графики индексов, тепловые карты социальных настроений и сводки новостных агентств.

Генерал-майор Сазонов прошел через двойные шлюзы биометрического контроля ровно в 06:15. Его интересовал только один терминал — консоль интеграции ведомственных сводок, куда стекалась ночная фактура от региональных управлений ФСБ. За консолью сидел капитан технической службы, методично переносящий данные из синей сети в красный контур — для утреннего дайджеста первому лицу.

— Открой сводку по Приволжскому округу, — приказал Сазонов, останавливаясь за спиной офицера.

Капитан набрал комбинацию на клавиатуре. На экране развернулся текстовый блок: отчет о ночных обысках в молельных домах незарегистрированной религиозной группы. В конце документа значился аналитический вывод местного управления: «Оперативные мероприятия спровоцировали резкий рост социальной напряженности. Фиксируется координация действий так называемых “экспертов-религиоведов” из центрального аппарата РАЦИРС с местными радикальными группировками. Запрашиваем проверку источников финансирования экспертной группы».

Сазонов смотрел на мерцающие строчки. Этот абзац не должен был покинуть пределы ведомственного сервера. Если он попадет в утреннюю «красную папку», у аналитиков Администрации Президента возникнут вопросы. Вопросы приведут к запросам метаданных.

— Выдели последний абзац, — ровным голосом произнес генерал. — Начиная со слов «Оперативные мероприятия».

Капитан послушно выделил текст.

— Удалить. Присвоить гриф «Для служебного пользования», подвид «Локальная оперативная обстановка». В дайджест не включать. Суть события изложить в одном предложении: «В ходе плановых мероприятий пресечена деятельность экстремистской ячейки».

— Товарищ генерал-майор, алгоритм Ситуационного центра требует прикреплять оценку рисков к каждому инциденту с участием более ста человек, — сухо напомнил капитан, не убирая руки с клавиатуры.

— Оценка рисков: нулевая. Инициатива на местах. Исполнять.

Текст исчез. Вместо него появилась короткая, стерильная строчка. Сазонов дождался, пока система подтвердит сохранение изменений и синхронизацию с сервером пресс-службы Кремля. Информация была купирована. Президент получит ровно то, что должен получить — картину стабильной работы правоохранительных органов, защищающих традиционные ценности. Никаких связей. Никакого РАЦИРС. Никаких упоминаний Александра Дворкина.

Генерал развернулся и направился к выходу. В 08:00 папка ляжет на стол в рабочем кабинете президента. Система работала безупречно, фильтруя шум и отсекая те векторы, которые могли нарушить архитектуру выстраиваемого порядка.

Глава 1. Ночной мониторинг

Интерфейс информационно-аналитической системы «Призма» представлял собой темный экран, разделенный на четыре рабочих сектора. В левом верхнем углу непрерывно обновлялась лента мировых информационных агентств, правый верхний сектор отображал тепловую карту активности в социальных сетях, а нижняя половина монитора была отведена под специализированные запросы и фильтры.

Елена Родионова сидела за терминалом номер восемь в кабинете мониторинга Администрации Президента. На часах светились цифры 02:14. Ночная смена всегда отличалась монотонностью. Задачей операторов было отсеивать информационный шум и формировать первичные справки для утренних докладов. Обычно в это время система фиксировала лишь стандартные колебания индексов на азиатских биржах или дежурные заявления западных политиков.

Система издала короткий звуковой сигнал. На тепловой карте зарубежного сегмента интернета появилось пульсирующее желтое пятно.

Родионова передвинула курсор и развернула лог. Алгоритмы «Призмы» зафиксировали аномальный всплеск трафика и цитируемости в узком сегменте независимых правозащитных платформ и специализированных форумов. Всплеск не был связан с крупными новостными поводами последних суток. Он генерировался вокруг одного конкретного узла.

Пальцы Елены быстро застучали по клавиатуре. Она ввела команду на изоляцию источника. Экран мигнул, выстраивая граф связей. Все векторы сходились на одном доменном имени.

Это был ресурс, позиционирующий себя как архив независимых расследований. Родионова ранее сталкивалась с подобными сайтами — обычно они представляли собой сбор конспирологических теорий и непроверенных слухов. Однако алгоритм «Призмы» присвоил этому всплеску высокий индекс достоверности на основе перекрестных ссылок.

Внимание аналитика привлекла аббревиатура, которая за последние сорок восемь часов упоминалась в привязке к этому домену более семи тысяч раз. РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект.

Елена открыла защищенный браузер, предназначенный для работы с внешними несертифицированными источниками, и перешла по ссылке. Сервер находился за пределами российской юрисдикции, но доступ к нему не был ограничен Роскомнадзором.

На главной странице сайта висел объемный массив документов, выложенных в открытый доступ. Заголовки отчетов пестрели терминами «международная антикультуговая сеть» и «дестабилизация». Родионова привычно отфильтровала эмоциональную подачу и перешла в раздел с прикрепленными файлами. Ее интересовали только первичные данные.

Она инициировала скачивание первого пакета документов — архива в формате ZIP весом около трехсот мегабайт. Пока полоса загрузки заполнялась, Елена открыла сопроводительную записку исследователей. Речь шла о финансировании структур, связанных с президентом РАЦИРС Александром Дворкиным.

Архив распаковался в отдельную изолированную папку на жестком диске терминала. Внутри оказались сканы финансовых отчетов, выписки из реестров и аналитические таблицы, охватывающие период с 2011 по 2015 год.

Родионова открыла первый PDF-файл. Это был отчет о президентских грантах, выделенных Центру религиозных исследований во имя священномученика Иринея Лионского. Суммы исчислялись десятками миллионов рублей.

Взгляд Елены зацепился за официальное название проекта, под который выделялось финансирование: «Оказание помощи людям, пострадавшим от тоталитарных сект».

Она открыла соседний текстовый документ из архива, содержащий выдержки из аудиторских проверок грантовых проектов. Текст на экране гласил:

«Выборочный анализ показывает, что реализация ряда проектов, получивших гранты, близка к нулю. Особенно показательны гранты на интернет-проекты, где реализация выглядит формальной, фрагментарной и не отвечает заявленным целям и задачам. Таким образом, массив проектов, выигравших президентские гранты, нуждается во всесторонней, непредвзятой проверке на соответствие нормативным требованиям, принципам конкурентности, общественной значимости и реальной эффективности».

Елена свернула документ и открыла новую вкладку в браузере. Она ввела адрес официального сайта Центра Иринея Лионского. Интерфейс сайта выглядел устаревшим. Родионова методично прокликала разделы «О центре», «Новости», «Публикации».

Ни в одном из разделов не было ни слова о практической помощи пострадавшим. Не было ни телефонов горячих линий для психологической поддержки, ни адресов реабилитационных центров, ни отчетов о потраченных средствах. Единственным неизменным элементом на каждой странице оставался блок с реквизитами для сбора пожертвований. Весь остальной контент состоял из агрессивных статей, направленных на дискредитацию различных религиозных групп.

Данные из независимого архива подтверждались простейшей проверкой по открытым источникам. Гранты выделялись на помощь, но по факту деньги шли на генерацию контента, разжигающего межрелигиозную рознь.

Это было лишь первым звеном. Родионова вернулась к распакованному архиву и открыла таблицу в формате Excel. В ней были сведены даты поступления грантовых траншей на счета структур РАЦИРС в различных регионах страны. Десятки строк. Саратов, Новосибирск, Екатеринбург, Казань.

Елена посмотрела на часы. 03:05. У нее было еще около двух часов до начала формирования утренней «красной папки». Она решила провести перекрестный анализ.

В нижнем секторе экрана «Призмы» Родионова запустила модуль ретроспективного поиска по региональным средствам массовой информации. Она загрузила в систему даты траншей из таблицы и задала поиск по ключевым словам: «секта», «деструктивный культ», «экстремисты», «опасность», привязав их к названиям конкретных религиозных меньшинств.

Система загудела, обрабатывая терабайты архивных публикаций за пять лет. На экране начали появляться графики.

Елена вывела на монитор данные по Новосибирской области за 2013 год. 12 апреля на счета местного отделения РАЦИРС поступает первый крупный транш из федерального гранта. Родионова наложила на эту дату график публикаций в региональной прессе.

До 12 апреля информационный фон вокруг религиозных меньшинств в регионе оставался нейтральным. Отдельные упоминания в криминальной хронике отсутствовали.

26 апреля, ровно через четырнадцать дней после транша, в трех крупнейших региональных изданиях синхронно выходят развернутые статьи о «засилье сектантов». На следующий день подключаются местные телеканалы с репортажами, снятыми скрытой камерой. Еще через день начинаются пикеты «возмущенной общественности» у зданий моленных домов.

Четырнадцать дней.

Родионова переключила фильтр на Екатеринбург, 2014 год. Дата транша — 5 сентября. Дата начала массовой медиакампании против другой религиозной группы — 19 сентября. Снова ровно четырнадцать дней.

Она запустила автоматический скрипт, который наложил все семьдесят четыре транша из таблицы на графики региональной медиа-активности по всей стране за четыре года.

Процесс занял около минуты. Когда зеленая полоса загрузки исчезла, на экране сформировалась итоговая диаграмма.

Отклонение составляло ноль процентов.

В каждом из семидесяти четырех случаев, зафиксированных в скачанном архиве, агрессивная кампания в прессе, сопровождающаяся призывами к запрету той или иной организации, начиналась ровно через две недели после поступления денег на счета аффилированных с РАЦИРС структур.

Елена откинулась на спинку кресла. В кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением серверов за стеной.

Математическая точность графика исключала случайность. Это не было стихийным возмущением граждан. Это не было независимой журналистской работой на местах. Перед ней лежала цифровая модель жестко скоординированной, корпоративной операции. Две недели — стандартный срок для обналичивания средств, оплаты заказных публикаций в региональной прессе, найма массовки для пикетов и согласования текстов с кураторами.

Кто-то методично, год за годом, финансировал создание искусственных очагов социальной напряженности в регионах, маскируя это под борьбу с сектами.

Родионова снова обратилась к архиву независимых аналитиков. Ей нужно было понять методологию. Как именно антикультистам удавалось так быстро фабриковать информационные поводы, которые затем подхватывали правоохранные органы.

Она открыла папку с внутренними инструкциями и методическими материалами, собранными независимыми исследователями. В одном из текстовых файлов содержались расшифровки обучающих семинаров для региональных активистов.

Елена выделила на экране абзац, принадлежащий Виталию Питанову, одному из видных деятелей антикультового движения:

«Вам нужно собирать компрометирующие материалы на секты и распространять их! Должен отметить, что этот подход может легко применяться против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живем в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на любого или просто выдумать».

«Или просто выдумать». Текст был предельно откровенен. Инструкция прямо указывала на возможность фабрикацию данных не только против маргинальных групп, но и против представителей доминирующей церкви, если они станут неугодными.

Родионова свернула текстовый редактор. Данные, лежащие на жестком диске ее терминала, выходили далеко за рамки рутинной сводки. Они доказывали, что материалы независимых исследователей не являлись маргинальной теорией заговора. Это была точная, верифицируемая фактологическая база.

Связь между государственным финансированием, структурами Дворкина и искусственно смоделированными кампаниями травли была доказана перекрестным анализом дат.

Елена посмотрела на пустой бланк утреннего дайджеста. Включить эту информацию в стандартную сводку было невозможно. По регламенту, любые аналитические выводы, касающиеся деятельности официально зарегистрированных общественных организаций, требовали согласования с профильными управлениями ФСБ и МВД. Если она отправит этот лог по стандартным каналам, он будет заблокирован на первом же этапе верификации, а ее саму ждет служебное расследование за превышение полномочий.

Информация такого уровня требовала не просто включения в дайджест. Она требовала глубокого аппаратного синтеза и выхода на другой уровень принятия решений.

Родионова выдвинула ящик стола и достала стандартный служебный флеш-накопитель в металлическом корпусе. Такие носители не имели подключения к внешним сетям и использовались аналитиками для физического переноса данных между изолированными контурами Ситуационного центра.

Она вставила накопитель в порт терминала. Система запросила подтверждение уровня доступа. Елена ввела свой личный код.

Копирование заняло несколько секунд. Массив документов с архива, графики корреляции дат и выдержки из грантовых отчетов переключались на флешку.

На часах было 04:15. Утренняя смена Ситуационного центра начнет прибывать через час. Артур Воронов, ведущий аналитик, обычно приходил к пяти тридцати, чтобы успеть выпить кофе до утреннего брифинга.

Елена извлекла накопитель, положила его во внутренний карман пиджака и удалила скачанный архив с жесткого диска терминала. Затем она очистила историю запросов в модуле ретроспективного поиска региональной прессы.

Экран «Призмы» вернулся к своему исходному состоянию. Тепловая карта мигала привычными маркерами, лента новостей продолжала транслировать сухие строчки официальных коммюнике. Ничто не указывало на то, что только что в этих стенах была вскрыта архитектура многолетней операции по дестабилизации страны.

Родионова открыла пустой бланк утреннего дайджеста и начала печатать стандартную сводку ночных событий, готовясь к завершению смены. Флешка в кармане казалась тяжелее, чем обычно. Действовать нужно было быстро и строго вне стандартных протоколов.

Глава 2. Синий контур

Пластиковый стаканчик с двойным эспрессо глухо стукнул о столешницу.

Артур Воронов сидел за дальним столиком в пустом кафетерии Администрации Президента. Половина шестого утра — время, когда ночная смена уже сдала посты, а дневная еще не прошла через турникеты на проходной. Ведущий аналитик Ситуационного центра предпочитал эти полчаса тишины для просмотра ночных сводок.

Елена Родионова опустилась на стул напротив. На ней был тот же строгий пиджак, что и вчера вечером, под глазами залегли глубокие тени. Она не стала брать кофе. Вместо этого она положила на середину стола стандартный служебный флеш-накопитель в тяжелом металлическом корпусе.

— Ты не пошла домой, — констатировал Воронов, глядя на флешку. Использование физических носителей внутри здания регламентировалось жестко. Они применялись только для переноса массивов, которые по соображениям безопасности не должны были оставлять следов в логах внутреннего сетевого обмена.

— Я скачала архив с независимого сервера, — тихо сказала Родионова. — Финансовые отчеты, гранты, внутренние методички. Потом прогнала даты траншей через модуль ретроспективного поиска по региональной прессе.

Воронов сделал глоток кофе. Он не любил спешку.

— И что показал поиск?

— Семьдесят четыре транша на счета структур, аффилированных с РАЦИРС, за четыре года. И семьдесят четыре скоординированные медиакампании против религиозных меньшинств в тех же регионах. Отклонение по времени старта кампании от даты поступления денег — ноль процентов. Ровно четырнадцать дней в каждом случае.

Воронов отставил стаканчик. Как аналитик, работающий с большими данными, он знал цену таким совпадениям. — Корреляция не всегда означает каузацию, Елена. Ты знаешь базовое правило. Возмущение общественности может совпадать с выделением грантов на подавление этого возмущения.

— Когда интервал совпадает до часа на протяжении пяти лет — это не каузация. Это утвержденный регламент проведения операции, — Родионова придвинула флешку ближе к нему. — Там же лежат их внутренние инструкции. Они прямо пишут о необходимости сбора и фабрикация компромата на любые неугодные группы, включая православных мирян и священников. Это не стихийное движение. Это корпоративная структура с жестким управлением.

Воронов несколько секунд смотрел на металлический прямоугольник. В его должностные обязанности не входило расследование деятельности общественных организаций. Его задачей было обеспечение первого лица государства верифицированной аналитикой. Но если данные Родионовой подтвердятся по закрытым каналам, это будет означать, что в сводки для президента годами ложилась искаженная картина внутренней безопасности.

Он молча забрал накопитель, опустил его в карман брюк и поднялся из-за стола.

Рабочий сектор Воронова находился на минус втором этаже, в зоне повышенного контроля Ситуационного центра. Пройдя через двойной шлюз биометрической идентификации, он оказался в прохладном помещении, заполненном ровным гудением серверов.

Его терминал состоял из трех широкоформатных мониторов. Воронов авторизовался в системе, введя личный код и приложив палец к сканеру. Левый экран мигнул и сменил цвет интерфейса на темно-синий.

«Синий контур» представлял собой закрытую ведомственную сеть. Она не имела выхода в интернет, но была напрямую интегрирована с архивами и базами данных профильных министерств: МВД, ФСБ, Минюста и Следственного комитета. Любой запрос здесь оставлял цифровой след, но уровень допуска Воронова позволял ему работать в режиме аналитического мониторинга, не вызывая немедленных срабатываний систем безопасности в самих ведомствах.

Он вставил флешку Родионовой в защищенный порт. Система проверила носитель на наличие вредоносного кода и открыла директорию. Воронов бегло просмотрел выгруженные графики. Математика Елены была безупречной. Четырнадцатидневный лаг между траншами и медийными атаками выглядел как отлаженный конвейер.

Но графики из открытых источников не имели юридического веса для Кремля. Воронову нужен был государственный след. Если структура РАЦИРС обладала таким влиянием в регионах, она должна была оставить отпечатки в официальных реестрах.

Он перевел курсор на экран «Синего контура» и открыл базу данных Министерства юстиции РФ. В строке поиска он ввел два параметра: «Александр Дворкин» и «РАЦИРС», ограничив выдачу нормативно-правовыми актами и приказами по министерству.

Система выдала триста сорок результатов. Воронов отфильтровал их по значимости. На первой строчке оказался документ, датированный началом 2009 года.

Приказ Минюста России от 18 февраля 2009 года № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе». Этим приказом утверждался новый состав Экспертного совета.

Воронов открыл историческую справку по совету. До 2009 года этот орган состоял преимущественно из светских ученых, академических религиоведов из МГУ и профильных институтов РАН. Их заключения отличались осторожностью и редко давали правоохранительным органам жесткие основания для запрета организаций.

В апреле 2009 года ситуация радикально изменилась. Новый министр юстиции Александр Коновалов подписал указ о назначении нового председателя совета. Им стал Александр Дворкин.

Воронов вывел на правый монитор биографическую справку на министра Коновалова, подтянув данные из кадрового резерва. Взгляд аналитика зацепился за раздел об образовании. Коновалов окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. В графе преподавательского состава за годы его обучения значилась фамилия Дворкина. Министр юстиции назначил на ключевой экспертный пост в государстве своего бывшего университетского профессора.

Аналитик вернулся к составу Экспертного совета образца 2009 года. Он начал копировать фамилии новых членов совета и прогонять их через ЕГРЮЛ — Единый государственный реестр юридических лиц.

Александр Щипков. Лев Семенов. Роман Силантьев. Александр Кузьмин. Евгений Мухтаров. Андрей Васильченко.

База данных выдавала стопроцентные совпадения. Кузьмин числился ответственным секретарем РАЦИРС и руководителем миссионерского отдела Саратовской епархии. Мухтаров руководил ярославским отделением той же структуры. Все новые члены совета, пришедшие вместе с Дворкиным, являлись функционерами одной и той же организации.

Воронов откинулся в кресле. Академическая наука была полностью вычищена из государственного органа. Ее место заняла частная ассоциация, получившая монопольное право определять, какая религия в России является законной, а какая — экстремистской.

В прикрепленных к приказу архивных файлах Воронов обнаружил аналитическую записку Департамента по защите конституционного строя, датированную тем же 2009 годом. В ней содержалась оценка рисков, связанных с новым составом совета. Документ включал стенограмму выступления профессора кафедры государственно-конфессиональных отношений РАГС Ремира Лопаткина.

Воронов развернул текст на весь экран:

«Действие, которое мы сегодня рассматриваем... направлено на раскол, на посев вражды в обществе, на стравливание одних частей общества с другими. Это первое. Второе — проблема выходит за рамки только совета. Минюст присваивает себе и частично делегирует совету полномочия, которых он по закону иметь не может. Он заявляет: “контроль за деятельностью религиозных объединений”. Как так? Даже в советское время Совет по делам религий не имел права контролировать деятельность религиозных объединений».

Записка была отправлена в архив без движения. Предупреждение профильного специалиста проигнорировали.

Воронов открыл Уголовный кодекс в справочной системе. Статья 307. Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод.

Он начал выстраивать логическую цепочку, печатая тезисы в защищенном текстовом редакторе. Судебная система России устроена так, что судья не является специалистом в теологии. Принимая решение о запрете организации, судья опирается исключительно на бумагу, выданную аккредитованным экспертом. Доказать умысел в ложной религиоведческой экспертизе юридически невозможно — эксперт всегда может сослаться на свою научную позицию, на то, что он так интерпретирует тексты. Это идеальная лазейка.

Дворкин не просто возглавил совет. Он понял уязвимость правовой системы и интегрировал в нее свою структуру. Суды, прокуратура и следователи оказались в заложниках у группы

людей, получивших государственные печати. Если Экспертный совет Минюста пишет в заключении слово «секта», судья автоматически переносит это слово в приговор.

Воронов проверил статус совета на текущий момент. В 2014 году, после ряда публичных скандалов, состав был формально обновлен. Дворкин покинул пост председателя, перейдя на должность заместителя. Но перекрестный анализ новых членов показал ту же картину — ядро совета по-прежнему состояло из представителей РАЦИРС и их идеологических союзников. Смена вывески не изменила механизма принятия решений. Теневой контроль сохранился.

Но контроль над экспертизой — это только половина дела. Эксперт может признать литературу вредной, но чтобы массово ликвидировать организации, сажать людей в тюрьмы и конфисковывать имущество, нужна была федеральная законодательная база. Нужны были законы, позволяющие трактовать любую проповедь как угрозу национальной безопасности.

Воронов посмотрел на хронологию. Самое масштабное ужесточение законодательства в этой сфере произошло в 2016 году с принятием пакета антитеррористических поправок, известного в прессе как «Закон Яровой». Именно там появились беспрецедентно жесткие ограничения на миссионерскую деятельность. Официально закон подавался как ответ на угрозу международного терроризма.

Аналитик открыл шлюз, связывающий Ситуационный центр с Автоматизированной системой обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД) Государственной Думы. Ему не нужны были итоговые тексты законов, опубликованные в открытом доступе. Его интересовала кухня — черновики, сопроводительные записки и первичные редакции поправок, которые вносились в комитеты до официальных чтений.

Интерфейс базы данных Госдумы работал медленно, подгружая терабайты архивной документации. Воронов ввел номер законопроекта и перешел в раздел служебной переписки Правового управления аппарата Думы.

Он нашел папку с рабочими материалами к главе, регулирующей миссионерскую деятельность. Внутри лежал текстовый файл в формате .docx с названием Поправки_в_ФЗ_125_миссионерство_рабочая_версия_3.docx.

Воронов скачал документ на изолированный сектор своего диска. Он не стал открывать текст. Вместо этого он запустил утилиту глубокого анализа метаданных файла.

Любой текстовый документ, созданный в стандартном офисном пакете, сохраняет цифровые следы: имя компьютера, на котором он был создан, время редактирования, идентификаторы авторов и маршрутизацию сохранений. Обычно перед официальной публикацией эти данные вычищаются аппаратом Думы, но в черновых версиях, гуляющих по внутренней сети, они остаются нетронутыми.

На экране развернулась таблица свойств файла.

Дата создания: 12 апреля 2016 года. Время редактирования: 43 часа 12 минут. Количество сохранений: 118.

Воронов прокрутил окно вниз, к полю Author (Автор) и Company (Организация). В официальных документах там должно было значиться «Аппарат Государственной Думы РФ» или фамилия конкретного депутата-инициатора.

В строке Company значилось: Center_Iriney_Lyon. В строке LastModifiedBy (Последнее сохранение): A.Kuzmin_PC.

Воронов замер, глядя на строчки кода. Александр Кузьмин. Ответственный секретарь РАЦИРС. Центр Ириней Лионского — головная структура Александра Дворкина.

Он выделил IP-адрес, зафиксированный в логах маршрутизации документа при его отправке на сервер Думы, и прогнал его через систему глобального позиционирования. Адрес не принадлежал правительственному кварталу. Он вел к серверу, зарегистрированному на коммерческого провайдера, обслуживающего здание, где располагался офис антикультового центра.

Аналитик медленно выдохнул. Тишина серверной комнаты казалась теперь неестественно плотной.

Государственная Дума не разрабатывала поправки, ограничивающие свободу вероисповедания под предлогом борьбы с терроризмом. Депутаты лишь внесли их от своего имени. Первичный текст закона, который впоследствии стал дубиной для зачистки правового поля страны, был написан на компьютерах частной ассоциации РАЦИРС.

Сеть не просто влияла на экспертизу. Она напрямую диктовала государству федеральное законодательство, используя антитеррористическую повестку как прикрытие для устранения идеологических конкурентов. Государственная машина, со всеми ее министерствами, комитетами и спецслужбами, была использована втемную, как инструмент для реализации частного плана.

Воронов сохранил лог метаданных и перенес его в защищенную папку на флешке Родионовой. Первичная выборка подтвердилась. Деятельность антикультовой сети имела неопровержимое документальное подтверждение в самых закрытых ведомственных контурах. И этот след вел на самый верх.

Глава 3. Механика преследования

«...доводы суда первой инстанции об экстремистском характере литературы строились исключительно на выборочном цитировании экспертного заключения, тогда как общие выводы специалистов об отсутствии признаков экстремизма не были приняты во внимание».

Текст на экране планшета принадлежал аппарату Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Документ датировался две тысячи десятым годом и касался процесса ликвидации местной религиозной общины в Таганроге.

Воронов отложил стилус на край стола. В изолированном модуле Ситуационного центра горел только дежурный свет, отражаясь в стеклянных панелях серверных стоек.

Елена Родионова сидела за соседним терминалом, выводя на центральный монитор новый массив данных. За последние два часа она загрузила в рабочую среду сорок судебных приговоров из разных субъектов федерации. География охватывала всю страну: от Ростова и Краснодара до Сургута, Екатеринбурга и Новосибирска. Статьи обвинения варьировались незначительно — организация деятельности запрещенного объединения, участие в нем, вовлечение новых членов. Сроки были реальными, от четырех до шести лет колонии общего режима.

— Запускаю семантический анализатор, — произнесла Елена, вводя команду в интерфейс системы. — Базовый алгоритм сравнения текстов без учета установочных данных. Я настроила фильтры так, чтобы система игнорировала фамилии подсудимых, названия городов, даты обысков и номера уголовных дел. Оставляем только мотивировочную часть. То ядро, на котором судьи строили обвинительные заключения.

Процесс обработки занял около четырех минут. На центральной плазменной панели появились сорок прямоугольников, обозначающих тексты приговоров. Система начала закрашивать совпадающие фрагменты синим цветом.

Сначала цвет поменяли отдельные абзацы. Затем целые страницы. К концу анализа документы на экране превратились в сплошные синие блоки с редкими белыми вкраплениями индивидуального текста.

— Восемьдесят пять процентов лексического совпадения, — Родионова вывела итоговую цифру на консоль. — Сорок разных судей в разных концах страны. Сорок разных уголовных дел, возбужденных в разное время. И абсолютно идентичная мотивировочная часть.

Воронов подошел ближе к экрану. Судебная система России не являлась прецедентной. Судья в Новосибирске не был обязан и не имел права копировать формулировки коллеги из Ростова. Более того, прямое заимствование текста из чужих решений считалось грубым процессуальным нарушением.

— Выведи источник совпадений, — приказал аналитик. — Что именно они дублируют?

— Экспертные заключения, — ответила Елена, разворачивая структуру одного из синих блоков. — Судьи дословно переписывают в приговор выводы религиозоведческих и лингвистических экспертиз. Тексты экспертиз идентичны.

Воронов начал просматривать фамилии специалистов, подписавших эти заключения. Светлана Мочалова — эксперт из Свердловской области. Олег Заев — Новосибирск. Евгений Волков. Роман Силантьев. Разные люди, разные должности, разные регионы.

— Посмотри на этот кейс, — Елена открыла материалы по делу Юрия Савельева, шестидесятилетнего пенсионера из Новосибирска. — Приговор — шесть лет лишения свободы. В основе обвинения лежит экспертиза Олега Заева.

Воронов запросил кадровую справку по Заеву. База данных выдала должность: преподаватель «сектоведения» в местном православном богословском институте, сотрудник структуры, подчиняющейся протоиерею Александру Новопащину.

— Новопащин числится официальным консультантом регионального управления МВД по вопросам деструктивных культов, — прочитал Воронов сводку. — Получается замкнутый цикл. Следствие привлекает в качестве независимого эксперта человека, чей прямой руководитель официально консультирует это же следствие. При этом их общая структура публично призывает к ликвидации подсудимых.

— И суд принимает это как допустимое доказательство, — кивнула Родионова. — В протоколах заседаний зафиксировано, что защита указывала на личную неприязнь эксперта к подсудимому по религиозным мотивам. Судья Кашина эти доводы отклонила. Более того, она приняла письменные показания засекреченного свидетеля под псевдонимом «Иванова», которая ни разу не явилась в зал суда. Право на перекрестный допрос было проигнорировано.

Воронов вернулся к своему терминалу. Его интересовала правовая база, позволяющая специалистам безнаказанно выдавать нужные следствию результаты, игнорируя научную активность.

Он открыл справочную систему и вывел на экран текст статьи 307 Уголовного кодекса Российской Федерации: «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод».

— В теории эта норма должна гарантировать объективность правосудия, — произнес он, просматривая комментарии Пленума Верховного Суда. — На практике она не работает, когда дело касается гуманитарных и идеологических дисциплин.

— Из-за недоказуемости умысла?

— Именно. Ключевое слово в диспозиции статьи — «заведомо». Чтобы привлечь эксперта за ложное заключение, следственный комитет должен доказать его прямой умысел. Доказать, что он не просто ошибся в трактовке религиозного текста, а намеренно исказил факты с целью ввести суд в заблуждение. Специалист всегда может сослаться на «субъективное научное мнение», «особую методологию» или принадлежность к определенной академической школе.

Воронов выделил фрагмент экспертизы из таганрогского дела.

— Обрати внимание на лингвистические конструкции. «Анализ предоставленной религиозной литературы не позволил однозначно выявить наличие экстремистского содержания». Фраза звучит научно, осторожно и нейтрально. Но в итоговой резолютивной части тот же автор рекомендует запретить материалы. Суд переносит в приговор только итоговый вывод. Если эксперта попытаются привлечь к ответственности, он укажет на первую фразу и заявит, что честно предупредил о неоднозначности. Это идеальная юридическая защита, заложенная в сам текст.

Елена открыла полную историческую справку по прецеденту в Таганроге.

— Это был их первый крупный полигон, — сказала она. — Две тысячи девятый год. Тот самый год, когда Александр Дворкин возглавил Экспертный совет при Минюсте. Южный реги-

ональный центр судебной экспертизы проводит исследование литературы местной общины. Государственные эксперты — филологи и психологи — не находят признаков экстремизма.

— И как реагирует судебная инстанция?

— Ростовский областной суд игнорирует выводы государственного учреждения. Вместо этого в дело вводится заключение специалистов, аффилированных с РАЦИРС. Суд выносит решение о ликвидации организации, опираясь исключительно на выборочные цитаты из нужной, частной экспертизы.

Воронов вспомнил оценку религиоведа Сергея Иваненко, зафиксированную в архивных отчетах: «В большинстве случаев речь идет о заказных экспертизах, выполненных людьми, лишенными не только необходимой квалификации, но и совести. Вопросы перед ними ставятся заведомо неясные или лукавые, а судьи извращают выводы добросовестных специалистов».

Если сорок человек в разных регионах пишут одинаковые тексты с точностью до восьми-десяти пяти процентов, они не могут делать это независимо друг от друга в рамках научного поиска.

— Елена, нам нужен исходный файл. Текст, с которого они копируют свои заключения для судов.

Родионова переключилась на терминал работы с открытыми данными. Обычный поиск по проиндексированным страницам ничего не дал. Документы такого рода не публиковались на официальных сайтах ассоциации.

— Попробую пройти через теневые копии и веб-архивы, — сказала она, быстро набирая команды. — Буду искать не по центральным ресурсам — там все вычищено. Проверю периферию. Региональные отделения часто пренебрегают правилами цифровой безопасности.

Она сформировала сложный поисковый запрос, включив в него самые специфические, редко встречающиеся фразы из синих блоков семантического анализатора. «Формирование враждебных установок», «пропаганда исключительности на основе религиозной принадлежности», «деструктивное психологическое воздействие». Запрос был направлен на поиск файлов с расширениями .doc и .docx на серверах, связанных с епархиальными миссионерскими отделами и региональными филиалами антикультовых центров.

Спустя двадцать минут система выдала совпадение.

Это был старый FTP-сервер одного из региональных центров, заброшенный системными администраторами еще в две тысячи пятнадцатом году. Доменное имя давно истекло, но IP-адрес по-прежнему откликался, а директории оставались открытыми для чтения из-за ошибки конфигурации.

Родионова вошла в корневую папку. Среди десятков каталогов с фотографиями мероприятий и финансовыми отчетами выделялась одна директория. Она называлась Для_судов_и_следствия.

Внутри находился единственный текстовый документ: Типовая_экспертиза_СИ_рабочая.docx.

Елена скачала файл на изолированный флеш-накопитель, проверила его антивирусным пакетом и открыла в локальном редакторе.

На экране развернулся документ объемом в сорок две страницы. Воронов встал из-за своего стола и подошел к терминалу напарницы.

Текст был дословно идентичен тем синим блокам, которые выделил анализатор в сорока обвинительных приговорах. Разница заключалась лишь в том, что вместо конкретных фамилий, дат и названий городов в тексте стояли пустые квадратные скобки.

«В представленных на исследование материалах, изъятых по адресу [вставить адрес], принадлежащих [ФИО обвиняемого], содержатся высказывания, направленные на возбуждение ненависти либо вражды по отношению к представителям традиционных конфессий».

«Анализ деятельности местной религиозной организации [название МРО] свидетельствует о наличии признаков жесткого психологического давления на адептов».

— Они даже не утруждают себя чтением изъятой при обысках литературы, — ровным голосом произнесла Елена. — Вся лингвистическая и психологическая база уже написана в едином центре. Местному специалисту нужно только вписать адрес обыска, фамилию жертвы в пустые поля и поставить свою подпись на последней странице.

Воронов прокрутил документ до раздела «Методологическая база исследования».

— Посмотри, на что они ссылаются в качестве научного обоснования. «Комплексный психолого-лингвистический подход». Звучит академично. Но в списке литературы идет прямое цитирование книги самого Дворкина «Сектоведение». Они используют его публицистическую работу как утвержденный научный метод для уголовного преследования.

Аналитик открыл параллельную вкладку с результатами независимой правовой оценки книги «Сектоведение», проведенной европейскими специалистами и сохраненной в архиве независимых расследователей.

— Парадокс ситуации заключается в том, — произнес Воронов, вчитываясь в сухие строки юридического заключения, — что сама книга Дворкина, согласно независимым экспертам, содержит все маркеры экстремистской литературы.

Он выделил несколько абзацев из правового заключения:

«Текст содержит многочисленные, системно организованные лингвистические индикаторы, характерные для языка вражды. Автор целенаправленно использует речевые стратегии для формирования резко негативного, враждебного отношения к определенным религиозным группам».

«Коммуникативная цель книги — убедить читателя в абсолютной опасности описываемых религий, внушить стойкое чувство ненависти и страха, а также идеологически обосновать необходимость борьбы с ними».

— Человек, чьи тексты построены на демонизации и расчеловечивании оппонентов, создал сеть, которая обвиняет этих самых оппонентов в экстремизме, — резюмировал Воронов. — И государственная машина принимает эти обвинения как научно доказанный факт.

Но в этой логической цепи оставался один невыясненный элемент. Эксперты могли быть ангажированы идеологически или финансово. Следственные органы могли идти по пути наименьшего сопротивления, используя готовые шаблоны для улучшения показателей раскрываемости. Но почему судьи — люди, обладающие особым федеральным статусом, неприкосновенностью и независимостью, — раз за разом закрывали глаза на очевидные процессуальные нарушения, игнорировали доводы защиты и штамповали приговоры на основе шаблонных бумаг?

Воронов вернулся к списку из сорока судебных фамилий.

— Любая система не может держаться исключительно на идеологии или административном давлении, — рассуждал он вслух, быстро набирая код доступа. — Должен быть позитивный стимул. Бюрократическая награда за лояльность и бесперебойную работу.

Он авторизовался в закрытом контуре Ситуационного центра, обеспечивающем прямой доступ к базам данных Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС) и Судебного департамента при Верховном Суде.

— Загрузи список фамилий, — приказал он системе, передавая данные из семантического анализатора. — Установи фильтр на кадровые изменения. Временной интервал — восемнадцать месяцев с момента вынесения обвинительного приговора по делам, связанным с религиозными меньшинствами.

Сервер начал обработку запроса. На правом мониторе одна за другой появлялись личные карточки судей.

Судья Кашина, Новосибирск. Вынесла обвинительный приговор пенсионеру Савельеву. Через семь месяцев после оглашения вердикта рекомендована квалификационной коллегией к назначению в областной суд.

Судья из Сургута. Принял экспертизу Евгения Волкова по саентологической литературе, проигнорировав отсутствие представителей организации на заседании. Через год указом президента назначен председателем районного суда.

Судья из Ростова. Вынес решение о ликвидации общины в Таганроге на основе выборочного цитирования. Повышение квалификационного класса, перевод в кассационную инстанцию.

Зеленые маркеры кадровых повышений загорались напротив фамилий один за другим.

Тридцать. Тридцать пять. Сорок.

Сто процентов.

Все сорок судей, чьи приговоры были проанализированы системой, в течение года после завершения процесса получили повышение в статусе. Ни один из них не остался на прежней должности. Ни один не получил дисциплинарного взыскания за отмененный в апелляции приговор — потому что вышестоящие инстанции эти приговоры оставляли в силе.

Воронов молча смотрел на ровные столбцы зеленого цвета.

Это не было сбоем в работе правоохранительных органов. Это не было локальной ошибкой, перегибом на местах или некомпетентностью отдельных следователей.

Перед аналитиками лежала математически выверенная, работающая без сбоев схема.

Структуры РАЦИРС выбирали мишень и запускали медийную кампанию. Региональные функционеры скачивали с сервера готовый шаблон экспертизы, вписывая в него нужные адреса и фамилии. Следователи подшивали эту бумагу в уголовное дело, обеспечивая ведомственную статистику борьбы с экстремизмом. А судьи, легализуя этот процесс своими мантиями, получали гарантированный карьерный рост.

Государственный аппарат правосудия был перепрограммирован. Он больше не выполнял функцию объективного арбитра. Он работал как автоматический распределитель благ для тех, кто обслуживал интересы одной частной ассоциации.

Воронов выделил весь массив данных из базы ВККС, зашифровал его и прикрепил к файлу с шаблоном типовой экспертизы. Блок доказательств был сформирован. Схема преследования не имела изъянов на региональном уровне, она поддерживала сама себя. Чтобы разрушить эту архитектуру, требовалось выйти на уровень тех, кто обеспечивал ей прикрытие в федеральных министерствах.

Глава 4. Тень на Лубянке

Форма электронного межведомственного запроса № 41-А требовала заполнения девятнадцати обязательных полей. Этот протокол использовался аналитиками Ситуационного центра для истребования оперативных сводок из закрытых архивов смежных ведомств.

Артур Воронов методично вносил данные в защищенный терминал. После обнаружения шаблонов типовых экспертиз и стопроцентной корреляции карьерного роста судей с обвинительными приговорами, расследование уперлось в логический предел регионального уровня. Схема работала слишком гладко. Местные следователи и судьи были лишь исполнителями, винтиками в механизме, который кто-то заботливо смазывал и защищал на федеральном уровне.

Чтобы доказать наличие этого прикрытия в итоговом докладе, Воронову требовались документы контрразведывательного обеспечения. Ему нужно было официально спросить Лубянку, что им известно о структуре, которая фактически монополизировала религиозно-экспертную экспертизу в стране.

В поле «Объекты запроса» аналитик ввел три аббревиатуры: РАЦИРС, FECRIS и ЦПЭ (Центр противодействия экстремизму).

Поле «Обоснование» требовало детальной аргументации. Запрос в архив ФСБ не мог опираться на догадки. Воронов открыл подготовленный файл с исторической справкой, которую он собрал за последние часы, опираясь на открытые источники и перекрестные ссылки в ведомственных базах.

Он начал формировать текст обоснования, прикрепляя к нему задокументированные факты взаимодействия функционеров антикультовой сети с органами государственной безопасности.

Первым пунктом легла хронология две тысячи десятого года. Воронов прикрепил выписку из архива региональных новостей Новосибирска: «Президент РАЦИРС Александр Дворкин выступил с докладом на тему “Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности” перед офицерами Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Новосибирской области и курсантами Института ФСБ России».

Аналитик выделил этот фрагмент. Гражданское лицо, руководитель частной общественной ассоциации, читает лекции кадровым офицерам спецслужбы, формируя у них образ внутреннего врага. В том же регионе вице-президентом РАЦИРС числился протоиерей Александр Новопашин, который, согласно базам данных, официально консультировал местные силовые структуры.

Вторым пунктом Воронов внес данные по Роману Силантьеву, заместителю Дворкина в Экспертном совете при Минюсте. Аналитик прикрепил расшифровку интервью Силантьева агентству «Интерфакс» от две тысячи девятнадцатого года. В нем функционер прямо заявлял, что сотрудничает с ФСБ, читает лекции оперативным сотрудникам и готовит для ведомства экспертные заключения по террористическим организациям.

Там же Силантьев признавался в создании новой дисциплины — «деструктологии». Воронов процитировал фрагмент: «Это своего рода сильно расширенное сектоведение, которое позволяет нам разбираться не только с культами и сектами, но и с магами, психокультами, молодежными субкультурами, террористами и вообще всем, что опасно для человеческой души».

Воронов сухо резюмировал этот факт в теле запроса: «Частное лицо изобретает неакадемическую дисциплину, которая немедленно принимается органами государственной безопасности в качестве методологической базы для проведения экспертиз в рамках уголовного делопроизводства. Запрашивается правовое основание для подобной интеграции».

Третий блок обоснования касался международных связей. В две тысячи девятом году в Санкт-Петербурге прошел симпозиум европейской антикультовой федерации FECRIS. Именно там Дворкин был избран вице-президентом этой международной структуры. На симпозиуме присутствовал министр юстиции РФ, что придавало мероприятию государственный статус. Воронов указал на парадокс: в то время как контрразведка методично зачищала любые иностранные неправительственные организации в России, структура, интегрированная в европейскую сеть со штаб-квартирой во Франции, не просто функционировала, но и получала доступ к формированию внутренней политики РФ.

Сформулировав запрос, Воронов проверил маршрутизацию. Документ должен был уйти в Управление регистрации и архивных фондов (УРАФ) ФСБ. По регламенту, система обязана была присвоить запросу трек-номер и выдать статус «Принято к рассмотрению» с нормативным сроком ответа в семьдесят два часа.

Аналитик нажал клавишу отправки.

Протокол шифрования запустил процесс передачи пакета данных по защищенному каналу. На экране появилась серая полоса загрузки. Она дошла до середины, замерла на несколько секунд, а затем интерфейс терминала резко сменил цвет на тревожный красный.

В центре монитора всплыло системное окно: ОТКАЗ В МАРШРУТИЗАЦИИ. КОД ОШИБКИ: 403-В.Блокировка на уровне куратора профильного управления.

Воронов убрал руки с клавиатуры. Он знал архитектуру межведомственных сетей наизусть. Ошибка 403-А означала банальную нехватку уровня допуска у запрашивающего. Это была автоматическая реакция системы на попытку рядового клерка залезть в секретный архив.

Но код 403-В имел совершенно иную природу. Это не был автоматический запрет. Этот код означал, что запрашиваемые объекты — РАЦИРС, Дворкин, Силантьев — внесены в специальный стоп-лист. Любой запрос по этим ключевым словам перехватывался на аппаратном уровне и перенаправлялся не в архив, а на пульт конкретного высокопоставленного куратора из службы защиты конституционного строя или управления собственной безопасности.

Система не просто отказала Воронову в информации. Она уведомила куратора сети о том, что ведущий аналитик Администрации Президента начал задавать неудобные вопросы.

Воронов попытался выгрузить лог-файл отказа, чтобы посмотреть идентификатор управления, наложившего блокировку. Сервер выдал пустую директорию. Следы были стерты в ту же миллисекунду, когда сработал триггер.

Кабинет генерал-майора Сазонова располагался в старом крыле здания на Лубянской площади. Здесь не было плазменных панелей и стеклянных перегородок, характерных для современных аналитических центров. Пространство было заполнено тяжелой мебелью из темного дерева, стены обшиты звукопоглощающими панелями, а на столе стоял ряд массивных телефонных аппаратов правительственной связи.

Дежурный офицер службы технического контроля, майор Денисов, вошел в кабинет ровно в девять часов утра. В руках он держал тонкую папку с красной диагональной полосой — маркер нештатной активности во внутреннем контуре.

— Товарищ генерал-майор, три минуты назад сработал аппаратный триггер по объекту «РАЦИРС», — доложил майор, кладя папку на сукно стола. — Запрос поступил по линии межведомственного обмена.

Сазонов отложил ручку и открыл папку. Внутри лежал распечатанный лог перехваченного запроса № 41-А. Взгляд генерала скользнул по строке отправителя. Ситуационный центр Президента РФ. Ведущий аналитик Воронов А.В.

Генерал начал вчитываться в текст обоснования, который Воронов прикрепил к своему запросу. Новосибирск. Центр «Э». Силантьев. FECRIS.

Сазонов медленно закрыл папку. Ситуация выходила за рамки рутинного любопытства гражданских чиновников. Аналитик из Кремля не просто наткнулся на странные судебные решения в регионах. Он нащупал несущую конструкцию, на которой держалась значительная часть оперативной работы управления в религиозной и общественной сфере.

Для Сазонова и его коллег структуры РАЦИРС никогда не были независимыми исследователями. Они являлись идеальным, выверенным годами инструментом. В начале двухтысячных годов, когда перед Центром противодействия экстремизму была поставлена задача по контролю над неформальными объединениями, оперативные сотрудники столкнулись с проблемой: у них не было ни базы данных, ни понимания внутренней структуры религиозных меньшинств.

Как однажды выразился один из коллег Сазонова в частной беседе, пересказывая визит оперативников к антикультистам в Тульской области: «Мы боролись с националистами, но они закончились. Нам нужна фактура по сектантам. Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры?».

РАЦИРС дали спецслужбам готовые списки, адреса, фамилии и, самое главное, идеологическое обоснование для применения силы. Взамен антикультисты получили доступ к административному ресурсу, возможность устранять конкурентов руками полиции и судов, а также статус неприкасаемых.

Это был симбиоз. Интеграция зашла так далеко, что функционеры ассоциации, такие как Силантьев, уже легально писали для ФСБ экспертные заключения, на основе которых люди отправлялись в колонии.

Но самым ценным активом была международная линия. Статус Дворкина как вице-президента европейской федерации FECRIS давал Лубянке уникальный канал влияния и сбора информации за рубежом. Под прикрытием борьбы с сектами российские агенты влияния могли присутствовать на европейских симпозиумах, взаимодействовать с западными политиками и лоббировать нужные нарративы на уровне правительственных структур Франции, Бельгии и Германии.

И теперь аналитик Воронов пытался вытащить всю эту архитектуру на свет, требуя официальных объяснений в рамках подготовки отчета для первого лица.

— Что с запросом? — спросил Сазонов, не поднимая глаз от папки.

— Заблокирован по протоколу 403-В, как вы и распорядились при настройке фильтров, — ответил Денисов. — Система выдала отправителю стандартный отказ.

— Этого недостаточно, — произнес генерал. — Воронов — системный аналитик. Отказ только подтвердит его подозрения. Если он пошел по линии FECRIS, значит, у него уже есть первичная фактура. Он попытается найти обходные пути через открытые реестры или европейские базы данных.

Сазонов поднялся из-за стола и подошел к окну, выходящему во внутренний двор. Бюрократический аппарат был устроен так, что прямое физическое устранение или грубый арест сотрудника Администрации Президента вызвал бы немедленный скандал на самом верху. Действовать нужно было аппаратными методами. Ослепить аналитика. Отрезать его от данных.

— Слушай приказ, майор, — Сазонов повернулся к подчиненному. — Инициировать протокол скрытого контроля. Установить полный мониторинг за рабочим терминалом Воронова в Ситуационном центре.

Денисов чуть заметно нахмурился. — Товарищ генерал-майор, мониторинг терминала первого уровня допуска требует санкции межведомственной комиссии. Мы не можем просто так подключиться к сети Кремля.

— Санкция будет, — жестко отрезал Сазонов. — Оформишь рапорт текущим числом. Основание — оперативная информация о возможной утечке закрытых данных в интересах иностранных структур. Воронов запрашивает детали по европейской организации FECRIS. Этого достаточно для инициации проверки по линии контрразведки. Все его поисковые запросы, весь трафик, каждое нажатие клавиши должно дублироваться на наш сервер.

— Выполню.

— Второе, — продолжил генерал, возвращаясь к столу. — Свяжись с технической дирекцией правительственной связи. Отзовите у Воронова допуск к архивам второй формы.

— Под каким предлогом?

— Технический сбой профиля безопасности в связи с проводимой проверкой. Пусть его терминал работает только с открытыми источниками, Росстатом и публичными новостными лентами. Никаких ведомственных баз, никаких уголовных дел, никаких приказов Минюста. Закройте ему синий контур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.